

Сергей ВОРОХАЕВ рос обычным петропавловским мальчишкой, жил с родителями в рыбацкой Сероглазке. Когда началась война, вместе с ровесниками помогал старшим – на рыбалке, на уборке урожая. Настоящая тимуровская команда была организована и действовала в поселке, опекала семьи красноармейцев, откликалась на любые просьбы старших. Потом пришло время и Ворохаеву с товарищами встать в ряды защитников Родины. Им выпало в составе Курильского десанта штурмовать остров Шумшу. Не всем суждено было выжить...

Ворохаев уцелел, вернулся победителем. Спустя годы побывал на Шумшу. Своими воспоминаниями о Курильской операции поделился с ребятами-следопытами школы №35 Петропавловска. Сегодня его уже нет с нами, но остались его воспоминания – живые свидетельства тех героических дней.

Сергей ВОРОХАЕВ:

– Жил я в Сероглазке, рядом с Петропавловском. В конце ноября 1944 года, когда мне исполнилось 18 лет, был призван в армию вместе с другими нашими ребятами.

После военкомата командир роты и старшина повели нас в расположение 138 стрелкового полка, на 75 участок. Там поселили в двухэтажной казарме. После карантина нас, новобранцев, распределили по частям. Я попал в первую автоматную роту, командиром которой был Сиволапов.

В июне 1945 года меня и еще несколько человек перевели в роту связи. Служба продолжалась.

Участвовали мы в учениях на Халактырском пляже. Там были вырыты окопы. В этих окопах и блиндажах мы и поселились.

Потом нашему 3-му отделению был отдан приказ отправиться на Толстый мыс для обслуживания пункта связи. Мы вместе с командиром отделения Стариковым, Еланцевым и еще одним солдатом Ткачевым, который потом погиб, и коноводом Каруховым, погрузили свое военное имущество и отправились выполнять приказ. Были мы на Толстом мысу до середины августа.

16 августа я пришел сменить Еланцева на дежурстве, а тут срочно вызывает командир батальона. Сыграли тревогу, и мы направились по Халактырскому пляжу на СРВ (судоремонтную верфь).

Там уже ждали нас десантные корабли, на которые мы погрузились. На улицах, на берегу было много народа. Они провожали нас до самых ворот, где стояли часовые. Люди кричали «Вы

что, воевать?» «Да какое воевать – мы едем разоружать японцев!» – отвечали мы. Так нам сказали командиры.

Мы верили начальнику связи. Когда он проводил беседу о десанте, мы стали говорить ему, что при высадке телефонный аппарат, радиостанция – все промокает. Он ответил, что его заверили, что десантники могут только ноги замочить по щиколотку, а о радиостанции на спине даже и думать не надо. На это надеялись все.

В ночь с 17 на 18 августа десантные корабли вышли в море и направились к Курильским островам.

Наше отделение связистов из четырех человек находилось в верхней части десантного судна. Настроение у нас было спокойное. Все десантники были внизу. У них был выход к трапу, который выдвигался вперед.

В тумане подошли к острову Шумшу. Причалов для нас, конечно, никто не готовил. Японцы встретили наши корабли сильным и плотным огнем. Десантное судно до самого берега не дошло из-за отмени, но была дана команда «Вперед!»

Когда десантники пошли к трапам, нам объявили по рупору: «Связисты – в последнюю очередь!» А нам только дверь открыта и мы – на палубе. Труднее было тем, кто находился внизу. Они со станковыми пулеметами и снаряжением старались как можно быстрее добраться до трапа. Обстрел усилился, появились убитые и раненые.

Командир отделения сказал: «Давай прыгать, не будем ждать!» И мы бросились за борт. Сколько было до берега, я не знаю, но до сих пор помню обжигающий хо-

С болью в сердце – о тех, кто не вернулся

под этой воды. Сперва я был как поплавок, а потом, когда намок, стал несколько раз до дна доставать. Метров десять от борта отплыл, чувствую, до берега не добраться. Катушка с кабелем связи, рация, автомат, мокрая одежда тянут ко дну. Нахлебался морской водички, кашель стал душить, страх закрался – утою, как товарищ по отделению Ткачев. И тут слышу голос: «Бросай катушку! Держись за меня!» Гляжу, командир отделения Стариков. «Не бойся, – говорит, – я плаваю хорошо, доберемся до берега!»

Ничего не видел ни справа, ни слева. Только бы вперед. Вдруг сзади что-то взорвалось, и меня волной бросило на песок. Командир отделения уже был на берегу, и мы пошли вперед, поднимаясь на крутой склон. И вдруг там встретились с двумя женщинами-санитарками. Они перевязывали моряка, раненого в ноги японским снайпером. Они высаживались с группой майора Шутова. Видно, что они уже много работали, помогая нашим раненым. Они были в шинелях без погон, без ремней.

Прибыли, наконец, в штаб полка, встретили там командира полка Меркурьева, получили боевое задание от начальника связи и участвовали в боевых действиях нашего полка.

Первую высоту мы с налета взяли, а потом атака наша заглохла. Японцы стреляли из всех видов оружия, какое только у них было: пушек, минометов, пулеметов. А главное – на высоте много дотов и дзотов было. Ко всему, они еще танки против нас пустили. Я

семнадцать насчитал – сбился со счета. Мы сосредоточились, на рожон лезть не стали. Танки подпустили поближе, и так получилось, что штук шесть быстро подожгли. Тут у японцев вышло замешательство, а вскоре они повернули обратно. И два наших батальона поднялись в атаку. Вот здесь и совершили свой подвиг старшина 1-й статьи Николай Вилков и матрос Петр Ильичев. Много жизней они спасли своим героизмом.

Ну а я в это время со своими товарищами обеспечивал связью командный пункт. Начальник связи сказал, что нужно установить связь на вершинах сопков. А у нас ни телефонного кабеля, ни аппаратов – все было утоплено во время высадки.

Внизу солдатами был обнаружен японский склад. Вот туда мы

с командиром и пошли. Там нашли два аппарата, катушки с кабелем и протянули телефонную связь.

Утром 20 августа полковник Артюшин и сопровождающие его офицеры встретились на дороге, недалеко от высоты, с представителями военного командования. После этого нам приказали прекратить огонь. Мы двигались вглубь острова. Японцы стали бросать оружие.

Много мы их взяли в плен. После подписания документов о капитуляции для японских военнопленных был отведен участок, разрешили им разводить костры, готовить пищу. Мы их охраняли.

В 1985 году, в год 30-летия Победы над Японией, я был на острове Шумшу. Там все еще стояли искореженные, поржавевшие вражеские машины. Зловеще смотрели бойницами и амбразурами доты и укрепления. Заросли травой окопы. С острой болью в сердце читал я на скромном обелиске братской могилы имена своих боевых друзей. Навсегда остались там наш командир взвода лейтенант Дизик, сержант Колбаса, мои приятели-камчатцы Усов, Аникеев. Оба они были из Петропавловска. Стоял я у обелиска и вспоминал те боевые дни.

И вдруг будто током меня ударило. Одна фамилия на обелиске мне показалась очень знакомой. Там было написано – Ковалев Алексей Яковлевич.

Да это же Леня Ковалев – мой школьный товарищ из Сероглазки, где мы в первые годы войны были в одной тимуровской команде. Мне говорили, что он в бою на о. Шумшу пропал без вести. Я долго стоял молча, вспоминая друзей своей юности.

Спасибо ребятам из школы №35 за память о нас, ветеранах. Там, в музее, у портрета Лени Ковалева горит огонь – юные патриоты помнят своих земляков.

**Материалы разворота
подготовил Василий ЗАЯРНОВ**